

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Последнее
предупреждение
Гурова

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

**Последнее
предупреждение Гурова**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Последнее предупреждение Гурова / Н. И. Леонов —
«Эксмо», 2017 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-96132-0

Очередная облава на криминального авторитета Котова закончилась провалом. Кто-то предупредил бандита и помог ему уйти до появления группы захвата. Это уже не первый случай утечки информации. Похоже, среди оперативников действует «крот». Полковник МУРа Лев Гуров разрабатывает хитроумную комбинацию, с помощью которой планирует вычислить предателя и наконец-то задержать рецидивиста Котова. Сыщик и не предполагает, что в ходе операции возникнут непредвиденные обстоятельства, противостоять которым в одиночку – все равно что идти на верную смерть.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96132-0

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Последнее предупреждение Гурова

Глава 1

– Добро пожаловать, гости дорогие! Милости просим!

Зимний сад ресторана «Овидий» сиял огнями, и причудливые тропические растения, увешанные разноцветными лампочками и серпантином, создавали ощущение сказки.

Таинственные маски в длиннополых одеяниях плавно склонялись перед каждым вновь прибывшим, приветствуя счастливых, приглашенных на этот праздничный вечер.

Но этих гостей вышел встречать сам хозяин.

– О! Арлекин и Коломбина! Рады, рады. Без вас и Италия не Италия. Милости просим! Вот сюда, к нам. В самую гущу.

Владислав Полонский, успешный бизнесмен и счастливый отец, давал вечеринку в честь дня рождения своей дочери. Большая поклонница всего итальянского, она обучалась в одной из дизайнерских школ этой страны. Непродолжительные зимние каникулы Инга решила провести на родине, и отец, чтобы сделать ей приятное, праздник в честь дня рождения оформил в стиле популярного карнавала в Венеции.

Огромный «Овидий» пестрел всеми цветами радуги. Бело-розовые фрейлины XVIII века, окутанные волнами переливчато-прозрачной органзы, зловещие палачи в ярко-красных кафтанах, мрачные готы в непроницаемо-черных одеяниях и шипованных ошейниках, просто люди в масках, обернутые в просторные балахоны, под которыми невозможно было угадать, мужчина это или женщина. Все это двигалось и переговаривалось в необъятном ресторанном зале, создавая ощущение волнующегося моря.

Полонский, увлекая за собой встреченную им пару, все глубже вклинивался в эту разноликую гущу, пока наконец совсем не растворился в ней, слившись с пестрой толпой представителей итальянского фольклора и прочими персонажами разных времен и народов.

– Ингуша, как всегда, образец стиля, – говорила выбеленная, будто крытая свежей шпаклевкой, фрейлина, обращаясь к маске в шитом золотом кимоно. – Посмотрите на этого Пьеро. Ни одной неправильной линии, ни одного диссонанса. Все так соразмерно, в такой гармонии. Ничего лишнего. Просто идеал.

– Это Инга? – удивленно переспрашивала маска. – А я думала, какой-то мальчик.

– Нет-нет, я знаю точно. Специально расспрашивала, чтобы узнать секрет. А то ведь и впрямь сегодня здесь не угадаешь, кто есть кто. Владислав Игоревич предлагал одеться в костюмы на добровольных началах, если у кого-то возникнет особое желание, а все так уцепились за эту мысль, будто только этого и ждали.

– А что вы хотите? Лишний шанс показать себя – грех упускать такую возможность. К тому же, говорят, за лучший костюм объявлен приз.

– Я даже догадываюсь, кто его получит, – язвительно процедила фрейлина.

– Думаете, Инга? – В голосе маски в кимоно слышался неподдельный интерес.

– Зачем же? У девочки день рождения, она и так не останется без подарка.

– Ирина, конечно же, кто же еще!

– Любимая супруга?

– Она самая. Наша очаровательная Красная Шапочка. Как только дышит, бедная! Затянулась, того и гляди, шнуровка лопнет. И надо же было вырядиться в костюм с корсетом!

– Да, ее узнать нетрудно, – говорила маска. – Но большинство так «законспирировались» – старых знакомых не различишь. Непонятно, где актеры, где гости.

– Узнаете, когда сядут за столы, – саркастически усмехнулась фрейлина.

– О да! Не сомневаюсь – тут уж ошибки не будет, – в тон ей ответила маска. – Но это правда, что Полонский, как говорят, приготовил какое-то умопомрачительное шоу? Я что-то слышала даже про фейерверки.

– Можете быть уверены – программа, как всегда, на высшем уровне. Владислав Игоревич устраивает такие праздники нечасто, но, если уж берется, все делает на широкую ногу. Сегодня нас ждет театрализованное шоу – этакое попурри из старинных итальянских сюжетов, и, кроме этого, обещаны разные постановки в стиле тех, что бывают на карнавале. Знаете, там, в Венеции. Ингуша, с тех пор как стала учиться в Италии, не пропускает ни одного. Рассказывает очень интересно.

– Вот папа, наверное, наслушался и решил устроить что-то подобное и в России. Пускай и всего лишь на один вечер.

– Наверное, – отвечала фрейлина. – Где он, кстати? Что-то я его не вижу.

В это время со стороны входа показались гости в не совсем традиционных для Италии прошлого века и подозрительно одинаковых костюмах.

Группа мужчин в полицейской униформе вошла в ресторанный зал, и один из них, старший по званию, вежливо попросил всех оставаться на своих местах.

Вновь прибывшие вели себя тихо и предельно корректно. Группа захвата, не теряя драгоценных минут, внедрилась в толпу гостей и быстро лавировала среди них, устремляясь к совершенно определенной и, по-видимому, заранее известной цели.

Тем не менее плавное течение праздника прервалось, и присутствующие начали проявлять беспокойство. Музыка смолкла, предоставив пространство возмущенному гулу голосов, среди которых слышалось даже несколько истеричных женских выкриков.

А из глубины, из потайных ресторанных недр уже спешил к месту происшествия сам хозяин торжества.

– Что? Что такое? – беспокойно и недоуменно спрашивал он, зорко следя за движениями тренированных бойцов, которые и без оружия, выпиравшего из подмышек, в случае необходимости наверняка без особого труда смогли бы разобраться с большей частью присутствующих.

– По какому праву?! – все более возмущенно говорил Полонский. – Здесь частная вечеринка. Я буду жаловаться!

– По нашим сведениям, здесь находится уголовный авторитет Андрей Котов, – спокойно говорил средних лет майор, тоже внимательно наблюдая за действиями своих подручных. – Мы уполномочены задержать его и...

– Какой еще авторитет?! – взвился под облака Полонский. – Что вы позволяете себе?! Да я на вас в суд подам! По какому праву?!

Тем временем юркие бойцы добрались-таки до своей цели и, заломив руки, подвели к майору, разговаривавшему с Полонским, мужчину в костюме Арлекина. Того самого, который недавно прибыл сюда со спутницей и очень предупредительно был встречен самим хозяином.

На лице мужчины была, как и у многих здесь, легкая картонная маска, и, срывая ее, майор уверенным тоном победно провозгласил:

– Представьтесь, пожалуйста.

– Евгений, – ответил совсем молоденький юноша, показавшийся из-под маски.

Смущенно и обескураженно оглядываясь вокруг, он явно был в большом недоумении по поводу происходящего.

Но обескуражен был не только он. Бравый майор, за секунду до этого, по-видимому, ничуть не сомневавшийся в том, кого именно увидит под маской, тотчас сник, поняв, что жестоко ошибся. Вся непоколебимая уверенность и кураж моментально улетучились с его

лица, но, с минуту беспомощно поблуждав глазами по залу, он все-таки нашел выход из положения.

– На кухню! В подсобки! Проверить каждую щель! Живо! – отрывисто командовал он расторопным спецназовцам, в ту же секунду сориентировавшимся и бросившимся исполнять новое приказание.

– Женечка! Детка! – театрально изображая горестное изумление, говорил Полонский, краем глаза следя за тем, как бойцы скрываются в закрытых для обычных посетителей недрах ресторана. – Ты – уголовный авторитет? Давно ли?!

Саркастические улыбки гостей, да и самого оставленного без маски юноши, уже начинавшего приходить в себя, лучше всяких слов давали понять, что думают здесь по поводу полицейской акции, но майор не сдавался.

– По нашим сведениям, Котов сейчас находится здесь, – упрямо повторил он. – Более того, нам известно, что вы, господин Полонский, находитесь с ним в дружеских отношениях. Лучше скажите сами, где его прячете. Мы все равно не уйдем, пока не найдем его, но, если мы найдем сами, вы пойдете как соучастник, а это, сами понимаете, чревато большими неприятностями.

– Да ищите! – уже окончательно успокоившись, почти весело отозвался Полонский. – Копайте, рыскайте. Работа у вас такая. Что найдете – все ваше. Только вы мне праздник испортили, а я сегодня день рождения любимой дочери отмечаю. Так что, если ничего не найдете, тогда уж не обессудьте, тогда уж я сам рассержусь. А это уже для вас чревато неприятностями будет.

* * *

– И сейчас, когда так подло, из-за угла убивают лучших наших сотрудников, мы не можем смотреть на это сквозь пальцы! Мы должны сосредоточить все силы, чтобы в кратчайшее время найти этого негодяя и предать суду для определения заслуженного наказания. Гуров, это важнейшее и серьезнейшее дело поручаю тебе, как одному из опытейших сотрудников.

Ясным февральским утром, в изумительно тихую погоду, когда с неба лишь изредка падали невесомые алмазно-сверкающие снежинки, генерал Орлов на традиционном совещании в кабинете демонстрировал настоящую бурю эмоций.

Накануне вечером, при разгоне несанкционированной демонстрации футбольных фанатов, был убит полицейский, и, комментируя это происшествие, Орлов волновался и возмущался так, как будто убитый был его единственным сыном. В противоположность тишине и покою зимней природы он рвал и метал, напоминая собой извергающийся вулкан.

Обстоятельства гибели полицейского действительно были немного странными. Болельщики начали буянить еще на выходе со стадиона, и, учитывая тщательность досмотра перед пропуском зрителей на матч, было совершенно очевидно, что ни у кого из них не имеется при себе не только огнестрельного оружия, но даже бутылки с газированной водой. Тем не менее, после того как все закончилось и стих накал страстей, один из полицейских, вызванных для усмирения расходившихся юнцов, был найден с пулевым ранением в голове.

Других человеческих жертв на происшествии не было, никто не получил даже скольконибудь заметных физических увечий, и это наводило на мысль о том, что убийство не было случайностью.

Именно это считал необходимым выяснить генерал Орлов, давая задание одному из лучших своих сотрудников. Но экспрессия, с которой он распинался, расписывая подлость и наглость «незримых негодяев», вызывала удивление даже у тех, кто давно его знал.

– Чего это он так взвился? – вполголоса говорил Гуров сидевшему рядом Крячко.

– А кто его знает, – беззаботно ответил тот, довольный, что «глухарь» достался не ему. – Может быть, с левой ноги встал.

– А я – отдувайся, – ворчал Гуров. – Мало у меня балласта лежит. Еще с этим возись. Придурок какой-нибудь сумасшедший взял да и стрельнул. Мало, что ли, их сейчас бродит. А я – ищи. Ветра в поле.

– Не расстраивайся, Иваныч, найдешь. Ты ж у нас «один из опытнейших». Видишь, как начальство поощрило, – лукаво улыбался Крячко. – Тебе и карты в руки.

– Но чего это он так расхотелся сегодня, вот что мне хотелось бы знать. Он что, родственник, что ли, его, этот убитый полицейский? – снова повторил Гуров, внимательно вглядываясь во взволнованное лицо генерала, все с той же неугасающей экспрессией продолжавшего говорить о текущих делах.

Когда все чрезвычайные происшествия были прокомментированы и все поручения розданы, Орлов, отпуская сотрудников, попросил Гурова задержаться.

Догадываясь, что сейчас узнает тайную причину загадочных тревожений начальства, Гуров присаживался на стул поближе к столу Орлова, не зная, радоваться ему или огорчаться этому особому к себе доверию.

– Послушай, Лев, – немного помолчав, после глубокого вздоха проговорил Орлов. – Тут такое дело. Контора наша, похоже, течет.

– Что???

Изумленно вскинув брови, Гуров вытаращил глаза, да так и остался смотреть на сокрушенно покашливающего начальника.

– И чего ты теперь на меня уставился? – снова набирая обороты, взволнованно заговорил тот. – Да, течет. Такое бывает. Найдется какая-нибудь... шваль. И гадит исподтишка. Всю работу на нет сводит. Про Котова слышал?

– Обломок лихих девяностых?

– Он самый.

– Как не слышать. По его делу одно время чуть не все управление работало. Только, кажется, не слишком успешно.

– Вот! Вот в том-то и дело. Из рук уходит, гад. Между пальцев сочится. Уж кажется, чего надежнее – и выйдем на него, и все заранее подготовим, и обложим со всех сторон. А в результате – пшик! Дырка от бублика. Змеей ускользает, сволочь. Вот вчера вечером – откуда, спрашивается, мог он узнать? А? Три человека операцию готовили, даже опергруппа за пять минут перед выездом узнала, куда и зачем едут. И что ты думаешь?

– Ушел?

– Ушел! – яростно прогремел Орлов. – Как?! Куда?! Кто предупредил?!

С грохотом отодвинув стул, генерал нервно прошелся по кабинету.

– Нет, это кто-то лично ему сливает, я селезенкой чую. Из своих кто-то. Поэтому, Лев Иваныч, имеется у меня для тебя серьезная и секретная работа. Ты там насчет мальчика этого убитого, конечно, тоже не забывай. Как его там? Кравцов, кажется? Да, Сергей Кравцов. Постарайся найти, кто сделал. Все-таки коллега наш, сотрудник. Если они волю возьмут вот так безнаказанно полицейских отстреливать, так это знаешь, что здесь будет. Так что постарайся. Но главные силы сосредоточь на том, что я сейчас тебе рассказал. Найди, вычисли мне «крысу» эту поганую. Ведь из своих это кто-то, как пить дать. С кем общаешься каждый день, кому доверяешь. Тьфу! Даже думать противно. Найди мне его, Лев. Четвертая облава у нас крахом идет, скоро анекдоты сочинять будут. И этот еще туда же. Праздник ему, видишь ли, испортили. Жаловаться он пойдет. Тебя бы на мое место, умника такого. Посмотрел бы я, что бы ты запел.

– Так, значит, вчера вечером снова была облава? – с ходу включаясь в дело, уточнил Гуров. – Где, если не секрет?

– Да в кабаке этом, в «Овидии». Там этот друг его, Полонский, праздник праздновал. Тоже тот еще кадр. Они с Андрюшей в девяностые вместе «лихачили». Из комсогов в рэкетеры. Как говорится, все работы хороши, выбирай на вкус. Ребята, похоже, оказались головастые, и дело у них пошло, и не попались ни разу. Всегда вовремя успевали руки умыть. Так что все у них было шито-крыто, аккуратненько. Потом один легализовался, как раз вот Полонский этот самый. ООО оформил, налоги стал платить. Что-то с авиаперевозками там у него. Аренда, техобслуживание. Партнеры иностранные, опять же.

– В целом неплохо, – одобрил Гуров.

– Я тоже порадовался за него. Как же, вернулся человек к законопослушной жизни. Даже отсидки не понадобилось. Своим умом дошел. Приятно. А Котов с государством делиться не захотел и решил там, где был, остаться. Думал, оно всегда так будет, как в девяностые. Ан, времена-то и изменились. Вдруг. Взялись за них плотно, за этих ребят, сам знаешь. Потихоньку одного за другим стали выуживать. Дошла очередь и до Андрюши. Долго мы с ним занимались. Пока улики собрали, пока доказательства. Там папок этих по делу – на трех КамАЗах не увезти. Не считая, как говорится, цифровой версии. Так что это ты правильно сказал – все управление по нему трудилось. За редкими исключениями. Впрочем, все это ерунда – бумажки. Главное, мы когда его разрабатывали, на человека одного вышли – в самой он от Андрюши непосредственной близости. И по большому счету, практически всей информацией о текущих перемещениях Котова мы, можно сказать, только ему обязаны. Человека, сам понимаешь, бережем как зеницу ока, часто связываться с ним не рискуем. И вообще, скажу тебе по секрету, это целая отдельная шпионская история – каждый наш выход на связь. Котов-то, он ведь тоже не дурак. Следит. Тем более сейчас, когда уже почуял, что земля у него под ногами горит. И вот посуди теперь, каково нам добытую с таким трудом и риском информацию всякий раз, извини за каламбур, коту под хвост отправлять?

– А это не сам этот «человечек» на два фронта работает? – предположил Гуров.

– Нет, здесь утечка исключена. Сынок его у нас на пожизненном за очень нехорошие дела.

– А за усердную работу амнистию обещали?

– Вроде того. На поселение куда-нибудь определим. Лет на сто. По сравнению с «вышкой» – почти свобода.

– Понятно. Только если «проколется» он, человечек этот, Котов ведь и самого его, и сынков всех до седьмого колена из-под земли достанет. Не боится?

– Боится, конечно. Только выбор-то здесь неширокий. Не Котов, так мы, не мы, так Котов. Там и на нем самом негде пробы ставить, не только сынок.

– Династия.

– Вот именно. А главное здесь – баба его. За сынка это, конечно, она больше. Сам-то он, может быть, и пережил бы, но жена – случай тяжелый. Сынок-то единственный.

– А жена – любимая.

– Наверное. В общем, здесь я насчет утечек спокоен. Человек этот завязан у нас крепко и трепыхаться в разные стороны ему нет смысла. Из своих это кто-то. Я селезенкой чую. Ищи, Лев. На тебя вся надежда. Главное – никому ни слова. Ни-ни! Об этом разговоре только мы с тобой вдвоем знаем, и пускай оно так и останется. Больше чтоб ни одна живая душа не узнала. Расспрашивай, разведывай, но зачем и для чего – даже малейшего намека не подавай. Со Стасом поговори, он по этому делу плотно работал и сейчас еще участвует. Эпизодически, так сказать. Так что у него практически вся информация. Расспроси. Но, разумеется, тоже как бы невзначай.

– Крячко тоже под подозрением? – внимательно взглянув на Орлова, спросил Гуров.

– Он-то нет, – поспешил ответить генерал. – Но лучше не рисковать. Сболтнет где-нибудь, не подумав, и тогда снова все насмарку. Нет, лучше не надо. Никому, значит, никому.

Выйдя из кабинета начальника, Гуров медленно шел по коридору, обдумывая услышанное.

– И что ж ты теперь хмур, как день ненастный? – весело приветствовал его неунывающий Крячко. – Очередной начальственный втык?

– Да нет, просто еще раз акцентировал, чтобы я не расслаблялся с этим убийством. «Приложил усилия» и прочее в таком духе, – с ходу нашелся Гуров. – Кто-то там, из верхнего начальства, чем-то очень недоволен. В рядовом, незначительном происшествии, которое в течение пятнадцати минут должно приводиться к знаменателю, – жертвы. Да еще со стороны полицейских.

– Непорядок.

– Вот именно. Сказал, чтобы я активизировался и не тянул. А чего тут тянуть? «Глухарь» он и есть «глухарь».

– Да-а, кругом проблемы. Покой нам только снится, – философски подытожил Крячко. – Вон Паша тоже сегодня жаловался. Выехали на задержание, а там подстава.

– Как это?

– А так. Про Кота слышал?

Довольный, что без каких-либо специальных «наводок» с его стороны Крячко сам вышел на нужную тему, Гуров с равнодушным видом спросил:

– Это тот, что в авторитете?

– Он самый. Неуловимый наш. Уж сколько за ним гоняемся, и все впустую.

– И ты гонялся?

– Было дело. По нему столько народу работало – проще сказать, кто не гонялся. Разве что ты вот только этой участи минул. Умудрился как-то.

«Не потому ли утекает информация, что так много народу», – между тем про себя думал Гуров, а вслух спросил:

– И что, снова не поймали?

– Представь себе! Была информация, что к другу он вчера вечером приезжал на праздник. Бал-маскарад какой-то там у них, костюмированный. Вот под этим соусом Кот туда и явился. Типа – я в костюме, меня никто не видит.

– В костюме кота?

– Нет, другого кого-то. Кота – это уж больно хорошо было бы. А он нет. Арлекином, кажется, нарядился. Да, Паша говорил, Арлекином.

– Какой Паша?

– Сидельников, майор. Да ты его знаешь. Он на задержание выезжал. Говорит, прямо перед операцией вызвали, дали адрес – езжай. Не объяснили, не предупредили. Сказали, человек в костюме Арлекина. Синий с красным. Ромбы. Он эти ромбы-то сцапал, маску снял, а там салага какой-то. Мальчик. А этот друг-то, хозяин банкета, понял, что органы в лужу сели, осмелел, давай кричать. И праздник-то ему испортили, и жаловаться-то он будет. Паша, бедный, приехал, чуть не плачет. Там у них вся эта петрушка, похоже, на видео снималась, теперь, говорит, носу никуда нельзя будет показать. Звездой сделался.

– Да, неприятно, – проговорил Гуров, отмечая про себя полезную информацию. – А что это за друг такой? Если Котов так запросто к нему ездит, может, стоит с ним поработать?

– А кто тебе сказал, что он к нему ездит? Это ведь информация – из источников неофициальных, сам понимаешь. А на месте ничего не нашли. Никого, точнее. Вот и работай тут. Формально – ни одной зацепки, не к чему придраться даже. Говорю тебе – еще мы же и виноваты останемся. Вот нажалуется этот друг в Гаагу куда-нибудь, наговорит про права человека с три короба, узнаем мы тогда.

– А неформально? Известно, зачем Котов приезжал? Уж, наверное, на такой риск шел не затем, чтобы водки выпить со старым другом.

– Насчет этого не знаю, я по Коту, в общем-то, уже не работаю. Но предположить могу. Чует он, что вокруг него жареным запахло, вот и мечется. Знает, что взялись за него серьезно и если чего-нибудь экстренного не предпринять – рано или поздно все равно достанут. А ему этого, сам понимаешь, очень не хочется. Поэтому мыслю так, что отвалить он хочет куда-нибудь подальше, убраться из зоны доступа. А у Полонского у этого, у друга-то, которого он вчера навещал, у него хороших знакомых – без счета. И все полезные. И здесь, в стране, и за границей связи. Ему левую ксиву сварганить – все равно что справку на больничный выписать. Пара пустяков. Я когда по Коту работал, сталкивался с его деятельностью. Мельком. Такой жук, похлеще самого Андрюши будет.

– На то они и кореша.

– Вот-вот. Тому-то сейчас «светиться» опасно, нет у него возможностей бурную деятельность разворачивать. А этот ничего, может. Сделает пару паспортов на разные фамилии да и отправит закадычного дружка куда-нибудь в Зимбабве загорать. Или еще куда, с кем у нас соглашений о выдаче нет. Ищи его потом свищи. А по его делу, считай, вся контора почти год трудилась.

– Обидно будет.

– Еще бы.

– Как же так получается, что он все время уходит? – перебирая бумаги на столе, как бы невзначай поинтересовался Гуров.

– Да по-разному получается. У него чуйка как у зверя, даром что Котом прозвали. Хотя и оберегает себя тоже. Не плошает и сам, как говорится, не только на чуйку надеется. Если куда-нибудь «во внешний мир» вылезает, территорию всегда снайпер контролирует. Мы не знали сначала. Но как-то на одной операции – тоже вот захват такой был, неудачный – одного из группы наповал уложили. Видать, на опасное расстояние он к Андрюше приблизился, сам того не подозревая. Ни выстрела никто не слышал, ничего. А в башке у парня – дырка. И так аккуратно, ты знаешь, прямо посередине лба. Ребята рассказывали.

– Профи.

– Не иначе. Так что после этого случая ясно стало, что с этим Котом надо всегда ухом остро держать. Потому что у него, как выяснилось, и с тыла всегда сюрпризы готовы, не только с фронта.

– Сложная фигура этот Кот, – сентенциозно отметил Гуров.

– Еще какая! – с готовностью поддержал Крячко. – Говорю же – чуть ли не все управление в его деле отметились.

– А постоянный там есть кто-то? Не все же так – пост сдал, пост принял.

– Как же, есть и постоянный. Степанов это дело ведет, Леня. Повесили на него ярмо, на бедного, теперь тащит. Это, говорит, наверное, крест мой за грехи.

– Это тот, что пожар у нотариуса расследовал?

– Он.

– Толковый мужик.

– Согласен, – кивнул Крячко. – Вот хоть бы с пожаром с этим. С виду-то и дельце самое незатейливое было, а потом помнишь, сколько всего там всплыло? И все эти ниточки Леня до победного конца раскрутил, хотя и «верхи» не хотели, и «низы» не могли. А он сделал. Все по местам расставил. Все точки.

– А теперь, в виде поощрения, раскручивает Котова?

– Выходит, что так.

– Похоже, хорошо работать невыгодно.

– Ой, не говори! – расхохотался Крячко. – Просто не в бровь, а в глаз. Нужно будет взять на заметку это ценное замечание. Хотя насчет Лени здесь шутки-то не очень уместны.

На него сейчас навалилось – прямо со всех сторон. И дома несчастье, да еще и на работе с Котом с этим проблемы одни.

– А что такое? С родственниками что-то? – поинтересовался Гуров.

– Сын у него заболел. Младший. Да что-то тяжелое, сложное там. С головным мозгом. Я особо не вникал, сам понимаешь, о таких вещах неловко расспрашивать. Так, мимоходом парой слов перекинулись. Он говорил, что операции нужны. Сложные да дорогие. Нейрохирургия. Наши сделали, да неудачно что-то, не только не помогло, а еще хуже стало. Вез за границу на обследование, там тоже сказали, что нужна операция, да теперь и не одна еще, потому что положение ухудшилось. А это, сам понимаешь, деньги страшные, не говоря уже о том, сколько хлопот одних. Вот и мучается. Так что, прямо скажем, повернулась судьба к человеку совсем не лицом. Испытывает на прочность.

– Тяжелые времена.

– Именно. Эх, заболтался я с тобой, Иваныч, а мне ведь тоже работать надо.

– Смотри не переусердствуй. А то заметят твоё рвение и подсунут нераскрываемое что-нибудь. Будешь, как я, мучиться.

– А то у меня их нет, нераскрываемых-то этих. Вон, в столе – любую папку бери. «Глухарь» на «глухаре». За каждой грошовой уликой по полгода бегаешь. Как в той сказке – семь каменных башмаков истопчешь. А толку – чуть. Никакого морального удовлетворения от любимой работы.

– В службу досуга позвони.

– Точно! Как это я сам не догадался? Послушай, Иваныч, а тебе, похоже, беседы с начальством идут на пользу. Смотри-ка, у тебя сегодня – озарение за озарением. И насчет вреда излишних рвений, да и сейчас вот. Просто перлы выдаешь.

– Приятно, что есть кому оценить.

Обменявшись финальными колкостями, друзья разошлись каждый по своим делам, начав новый напряженный рабочий день.

Садясь в машину, Гуров анализировал информацию, полученную от Крячко, и делал начальные предположения.

Следователя Степанова он знал хорошо. Тот давно работал в управлении и имел репутацию человека вдумчивого, серьезного и дотошного. Любое самое безнадежное дело он рано или поздно доводил до логического завершения и с полным основанием мог заявлять, что нераскрытых у него нет. Преступление, совершенное несколько лет назад и совсем, казалось бы, позабытое, надежно хранилось в памяти следователя Степанова, дожидаясь своего часа. Незначительный полунамек, любая зацепка, малейшая оплошность или неосторожное слово неожиданно могли дать решающую подсказку внимательному следователю, и, сколько бы ни прошло времени, вся картина давнего злодеяния раскрывалась перед ним как на ладони.

Заподозрить, что такой человек начал работать на два лагеря, было немыслимо, и тем не менее Гуров понимал, что основания для таких подозрений есть. Странное совпадение тяжелой, требующей больших финансовых затрат болезни сына с постоянными неудачами в поимке важного и, несомненно, располагающего солидными финансовыми ресурсами преступника наводило на серьезные и невеселые размышления.

Решив, как только выдастся свободная минутка, навести справки о расценках на услуги зарубежных нейрохирургов и сопоставить их с ориентировочной заработной платой следователя, Гуров завел двигатель и поехал на стадион. Все-таки официальным его заданием было расследование гибели полицейского, и об этом не следовало забывать.

Глава 2

Крытый стадион, где и зимой проводились футбольные матчи и где после одного из них и случилось чрезвычайное происшествие, столь плачевно закончившееся для одного из участников, находился довольно далеко от основного места работы Гурова. По столичным пробкам он добрался туда только через два часа.

Обстановка вокруг была спокойной и повседневной, и ничто не напоминало о том, что вчера здесь происходило что-то из ряда вон выходящее. Окурки, в бесчисленном множестве разбросанные на утоптанном, грязном снегу, конкурировали за жизненное пространство разве что с шелухой от семечек. Ни зловещих кровавых пятен, ни разрозненных предметов гардероба, слетевших и позабытых в пылу драки, ни даже пустых бутылок или сплюснутых пивных банок – ничего не осталось от вчерашнего, наверняка не самого спокойного вечера. Заботливо очищенное доброжелательными таджиками от всего лишнего пространство перед стадионом спокойно отдыхало в ожидании минуты, когда весть об окончании очередного матча или тайма спровоцирует очередное бурное выяснение отношений между теми, кто радовался за победивших, и теми, кто переживал за проигравших.

Подойдя к главному входу, Гуров склонился к стеклянному окошечку, за которым сидел охранник, и предъявил удостоверение.

– Полковник Гуров, – представился он. – Здесь вчера убили полицейского. С кем я могу поговорить об этом? Вы дежурили на вечернем матче?

– Нет, та бригада уже сменилась, – словоохотливо ответил дюжий краснощекий парень, который в окошечко просматривался только частично. – Мы заступили в десять. Хотя постойте, кажется, Серый еще не ушел. Слышь, Миха! – обернувшись, крикнул он куда-то в пространство. – Глянь, Серега там еще? Здесь его спрашивают.

Через несколько минут в небольшой комнатке появился приземистый и коренастый Серега, как минимум раза в два старше говорливого парня.

– Вот тут вчерашней вашей войной интересуются, – сообщил ему краснощекий гигант, легким кивком указывая на Гурова. – Насчет того парня. Помнишь, которого потом нашли?

– А-а, – неопределенно протянул Сергей, внимательно разглядывая незнакомца, непонятно на каком основании собиравшегося его о чем-то расспрашивать.

– Полковник Гуров, – снова, развернув корочки, проговорил нежданный гость.

Только после этого медлительный и важный Сергей, коротко бросив «сейчас», вышел из маленького помещения, давая понять, что вскоре окажется на улице и уделит оперуполномоченному частицу своего высокого внимания.

– Он у нас старший в той бригаде, – понизив голос, как бы по секрету сообщил краснощекий парень, когда Сергей вышел. – Вы с ним поаккуратнее.

– Хорошо, постараюсь, – чуть улыбнувшись, ответил Гуров.

На выходе со стадиона показалась коренастая фигура Сергея, и, подойдя к нему, Гуров жестом пригласил его сесть на одну из скамеек, стоявших неподалеку.

– Так, значит, вчера дежурила ваша смена? – спросил он.

– Дежурила, – коротко ответил Сергей.

– И разгорелся сыр-бор?

– Разгорелся.

– А из-за чего, собственно?

– Да не из-за чего.

– Как так?

– Да так. Проверяй – не проверяй, дряни этой всегда с собой пронесут. Налижутся во время матча, нанюхаются, тут уж любая причина подойдет, лишь бы адреналин выплеснуть.

– Значит, причина все-таки была? – поспешил использовать зацепку Гуров.

– Как сказать? Для них, наверное, была. Два часа десять дураков по полю туда-сюда ходили – хоть бы что тебе! Ни одной атаки путевой, не говоря уже о чем-то там серьезном. В конце концов, похоже, даже мячу это надоело. Взял да и закатился в ворота. Судья и присудил гол. А что? На безрыбье, как говорится, и рак – щука.

– То есть как это «закатился»? – удивленно поднял брови Гуров. – Так-таки сам собой и вкатился в ворота?

– Да почти что так. Там один другому пас отдал, а тот не поймал, а мяч о чью-то там ногу ударился – тот тоже не сообразил. Так оно и вышло. А уж вратарь-то и вообще меньше всех такого финала ожидал. Стоит себе, мух считает. А мячик-то – вот он. Тут уже. И поделом. Ты если в воротах стоишь, так стой. А зевать, это вон дома, на печке у себя будешь.

Поняв, что Сергей не фанат проигравшей вчера команды, Гуров снова переключился на происшествие:

– Так, значит, болельщики на судью рассердились?

– А на кого же еще? Не на вратаря же своего, правильно? Забузили, забуянили тут, еще на выходе. Мы их, как говорится, своими силами пытались в чувство привести, потом видим – не справляемся. Вызвали ваших, те пока приехали, они уж на улицу вылезли, драка у них пошла. Но до серьезного не довели. Ваши подоспели. Дубинками помахали, газком брызнули – через пять минут чисто было. Все рассосались. А как разошлись они, смотрим – парень какой-то лежит. И главное – в униформе этой вашей. Мы ему – вставай, мол, зима, холодно. Глядь – а у него уж и губы посинели. Вот такие, понимаешь, пироги.

– Кто-нибудь слышал выстрел?

– Откуда? Да и чем стрелять-то им было? Молокососы эти фанатеющие, они до единого все «чистые» были, это я чем хочешь поклясться могу. Мы свое дело знаем. На входе, считай, до мозга костей каждого сканируем. Нам эти проблемы ни к чему.

– А как же только что говорил, что «дряни» все равно пронесут, как ни проверяй? – хитро улыбнулся Гуров.

– На порошок нюх нужен, – совершенно серьезно, в своей обычной деловитой манере ответил Сергей. – Для этого собаки специальные есть. А мы не обучены.

– Понятно, – примирительно проговорил Гуров. – Но ведь драка началась уже на улице. Ведь мог кто-то подойти, передать? Пистолет или другое что.

– Не думаю, – сосредоточенно помолчав, сказал Сергей. – Поздно было уже. Кому надо идти сюда что-то передавать? Да и эти все, драчуны-то, они уж разгорячились, как чумные были. Им и передай что, так они скорее друг дружку перестреляли бы, чем специально кого-то. Да и не стрелял никто, не было выстрелов, говорю же. Мы бы услышали. Это, чай, не скорострельно по лбу треснуть. И из ваших не стрелял никто. Я тоже не лыком шит, я эти инструкции знаю. Это ведь не баррикады, не восстание какое-нибудь, обычная потасовка. Вашим в таких случаях огнестрельное применять не рекомендуют. Дубинки, газ. Еще кулаки, разве что. Если у кого крепкие. А огнестрельное – нет. Я знаю правила.

– Но ведь рана была от пули?

– От пули.

– А выстрела не было?

– Не было, – произнес Сергей с той же неколебимо-серьезной уверенностью, с которой говорил, по-видимому, всегда.

– Вы не запомнили, как лежало тело? – сменил тему Гуров, поняв, что по поводу выстрела толку от собеседника не добьется.

– Обычно лежало, – ответил Сергей. – Головой к стадиону, ногами к парку. Его особо и не потоптали даже. Видать, с краю стоял. Там и лег. В заварушке не успел поучаствовать.

По-видимому, начинала сказываться усталость после вчерашней бурной смены, и Сергей, и без того задумчивый и неторопливый, говорил все медленнее.

Решив, что от этого респондента он получил уже максимум информации, Гуров сказал, что больше вопросов у него нет и Сергей может идти отдыхать, чему тот явно обрадовался.

Сам Гуров, размышляя о том, как могли развиваться события вчера вечером, стал прохаживаться туда и сюда, изучая пространство, прилегающее к главному входу на стадион, и пытаясь соорудить хоть какую-то первоначальную версию на той хилой информационной базе, которой он располагал.

Однако пока все было весьма неясно и загадочно. Если верить рассказу Сергея, потасовка была действительно самая рядовая и искать мотив убийства в этой плоскости было бесперспективно. Вместе с тем чем больше Гуров вникал в это дело, тем сильнее крепла в нем уверенность, что эта на первый взгляд как бы нечаянная смерть полицейского – именно убийство. Довольно смелое, даже наглое и, скорее всего, заранее спланированное.

Хотя как можно было узнать заранее, что именно в этот час Кравцов окажется именно в этом месте, – неразрешимая загадка. Подобные явления целиком и полностью зависят от прихотливых смен настроений тех или иных групп населения, типа футбольных фанатов, а они непредсказуемы просто по определению. Кому дано с точностью угадать, когда именно и где попадет вожжа под хвост кучке перевозбужденных юнцов? Немыслимо.

И что же получается? Этот полицейский, Сергей Кравцов, вчера вечером нечаянно оказался здесь, возле стадиона. Кто-то очень вовремя, но тоже совершенно нечаянно об этом узнал, все бросил и помчался его убивать? Бред какой-то. К тому же еще и выстрела никто не слышал. Глушитель? А откуда стреляли? Если верить охраннику – точно не из толпы фанатов. Свои в своих? Тоже маловероятно. Слишком большой риск. Все на виду, наверняка кто-то заметил бы. И уж в этом-то случае точно услышали бы выстрел.

Стреляли наверняка из какого-то укромного места, и находиться оно должно не очень далеко, учитывая, что все произошло ночью.

Еще раз внимательно окинув взглядом пространство, Гуров понял, что таких мест здесь более чем достаточно.

С левой стороны от главного входа на стадион располагалась большая автостоянка, и здесь территория была открытой, хорошо просматриваемой со всех сторон и даже охраняемой. Но справа к стадиону примыкал небольшой парк, и здесь для игры в прятки было полное раздолье.

Хотя сейчас оголенные ветви деревьев были прикрыты лишь тонким слоем белоснежного инея и невозможно было укрыться среди пышной листвы, но, кроме деревьев, в парке практически на каждом шагу были понатыканы киоски и ларечки со всякой всячиной – от мороженого до вяленой рыбы, призванной удовлетворить разнообразные вкусы все тех же спортивных болельщиков.

Ночью, когда ларьки уже наверняка закрыты и никто, кроме чуткой сигнализации, не следит за ними, нет ничего проще, как, притаившись за любым из этих квадратных домиков, выслеживать намеченную жертву, дожидаясь удобного момента для выстрела.

Припомнив слова охранника о том, как лежало тело, и сопоставив это с тем, что он сейчас наблюдал, Гуров понял, что его догадки имеют вполне реальные основания.

Но пока приходилось довольствоваться тем, что это все-таки только догадки. Реальное местоположение таинственного стрелка можно было бы определить по следам, но последний хороший снегопад проходил не меньше двух недель назад, и снег давно уже был затоптан сотнями ног не только вокруг ларьков, но и под деревьями, там, где летом зеленели газоны.

Осмотрев парк, Гуров напоследок решил поговорить со сторожами на автостоянке, чтобы с чистой совестью сказать себе, что здесь он сделал все, что мог.

Небольшой «скворечник», расположенный почти на трехметровой высоте, с которого сторожа следили за сохранностью доверенных им автомобилей, давал хороший обзор не только территории автостоянки. Оттуда открывался неплохой вид на пространство перед главным входом на стадион, и была вероятность, что сторожа могли заметить что-то такое, что от охранников стадиона, находившихся в самой гуще событий, ускользнуло.

– Добрый день! – проговорил Гуров, поднявшись по узкой металлической лесенке и снова разворачивая удостоверение. – Я из полиции. Здесь вчера произошла потасовка, вы не могли бы...

– А-а, это! Да, дядя Федя рассказывал, – не давая закончить фразу, громко заговорил курносый веснушчатый парень.

Развалившись на небольшом диване перед телевизором, он жевал бутерброд и прихлебывал чай, по-видимому уверенный, что этот процесс нисколько не мешает душевной беседе.

– Ух и резались они там! – продолжал он. – Не на жизнь, а на смерть. Спецназ вызывали, представляете? Полстадиона с синими мордами ушло. Некоторым даже носы поломали. Но эти, из «Альфы», они молодцы – в момент всех успокоили. Как начали газом травить! Зарин там – или какой, не знаю. Так их в момент всех отсюда как ветром сдуло. Мне дядя Федя рассказывал. Я-то только сегодня утром заступил, в ночь он оставался. Вот и посмотрелся тут. Да тут часто драки бывают, я и сам видел.

– А жертвы? Бывают? – осторожно спросил Гуров, опасаясь, что сейчас услышит о том, как «Скорая» вагонами увозила.

– Это вы про летальный исход, что ли? Нет, такого у нас не водится, – последовал неожиданно правдивый ответ. – Конечно, бывает иногда, что и помнут кого хорошенько. Некоторые и на четвереньках уползают. Или друзья кого уводят. Или уносят. Но так, чтоб совсем уж до смерти, такого нет, такого я не припомню. И дядя Федя не рассказывал. Нет, про жертвы не знаю.

– А ты давно здесь работаешь?

– Я-то? Я-то уж давно. Уж целый год почти.

– Понятно. Так, значит, вчера как обычно все было? Без жертв?

– Да, я же вам объясняю. Спецназовцы приехали, дали газку, они и расползлись все. Быстро. В момент. Какие тут жертвы?

– Что ж, всего вам доброго, благодарю за содействие, вы мне очень помогли.

С легкой усмешкой припоминая «Альфу» и зарин, Гуров спускался по лесенке, не особенно сожалея о зря потраченном времени. Ясно, что бдительные сторожа, находясь на боевом посту, больше смотрели в телевизор, чем по сторонам. Хотя место, где лежало тело, наверняка было видно из будочки, но, по-видимому, дядю Федю интересовали только драки. Поняв, что увлекательное зрелище заканчивается и болельщики, хорошенько надышавшись зарина, благополучно расползаются по домам, он, несомненно, продолжил просмотр какого-нибудь сериала, нимало не интересуясь тем, остался ли кто-то лежать на поле боя.

Впрочем, нельзя было сказать, что из этого уютного гнездышка он вылетел совсем уж без добычи. Из слов парня явствовало, что хотя потасовки возле стадиона и нередки, но случаев серьезных, с «летальными исходами» практически не бывает. С такой склонностью к преувеличениям он наверняка раздул бы целую сенсацию, если бы увидел хоть один. Следовательно, вчерашнее убийство – эпизод из ряда вон выходящий, и это только лишний раз доказывает, что не все здесь так просто.

– Слышь, милоч! А который часик сейчас, не подскажешь? – неожиданно услышал он старчески-скрипучий голосок откуда-то, кажется, прямо из-под ног.

Глянув вниз, Гуров увидел весьма приветливого на вид дедка, улыбавшегося ему всеми морщинками, сидевшего перед опрокинутой картонной коробкой с разложенной на ней сушеной рыбой.

– Половина первого, – ответил Гуров, взглянув на часы и только сейчас вспомнив, что, наскоро выпив утром стакан чая с бутербродом, больше ничего сегодня не ел.

– Половина первого?! – почти в испуге вытаращил глаза старик. – Вот это да! Как время-то летит. Кажись, только что я пришел, а оно вон как. Половина первого уже. А ты милиционер, что ли? – снова полностью сменив мимику, совсем другим тоном спросил дед, глянув проницательно и лукаво.

– Вроде того, – ответил Гуров, догадываясь, что новый знакомый проявил общительность неспроста.

– То-то. Я тебя сразу вычислил. Ходишь, разглядываешь тут, вынюхиваешь. Я наблюдательный. Рыбак. А рыбаки, они знаешь какие! О-го-го! Все видют.

– Всегда здесь сидишь? – решил перейти ближе к делу Гуров.

– А то как же! Это, почитай, самое мое законное место. Даже участковый меня не трогает. Так уж все и знают, это – Семеныча место. Семеныч меня зовут.

– Вчера хорошо рыбу брали? – снова пытаюсь направить разговор в нужное русло, спросил Гуров.

– Вчера-то? Нет, вчера, почитай что, совсем не брали. Молодежь, что они понимают. Надуются этой «Фанты» своей или «Кукаколы» там всякой. Она под рыбу не идет. Под рыбу пиво хорошо идет. Вот когда...

– А долго ты сидел здесь вчера? – начиная терять терпение, перебил Гуров словоохотливого собеседника.

– А то как же! Почитай что, до самого конца досидел, до самого до того, как покойничка-то этого увезли. Вашего. Это же из ваших кого-то уложили-то здесь вчера? Ась?

Внимательно вглядываясь в хитро блистающие глаза старичка и поняв, что он знает что-то не всем известное по этому делу, Гуров решил спросить напрямик.

– А ты и правда, я смотрю, наблюдательный, дед. Ты, может, и того, кто уложил, видел?

Хитрые глазки засияли пуще прежнего и, захлебываясь от удовольствия, старичок проговорил:

– А беленькую дашь?

– Беленькую? – не понял Гуров. – «Беленькая» – это что?

– Эх, милоч! – изумленно вскинул брови старик. – Беленькая-то! Этого-то не знать! Вот это ты сказанул. А еще милиционер. Сто рублѐв это, беленькая-то! Испокон веку так она называется. И отцы наши, и дедушки...

– На, – проговорил Гуров, снова прервав неугомонного деда и сунув ему под нос сто-рублевую бумажку. – Так кто стрелял?

– Ух ты, какой быстрый, – говорил старик, засовывая деньги куда-то под мышку. – Кто стрелял ему подавай. Да почему же я знаю? – Но, увидев, как меняется выражение на лице Гурова, хитрый дед поспешил добавить: – Кто стрелял, я не видел, но, когда они все разошлись тутотка и ваши тоже уехали, стал и я собираться. И тут смотрю – мужик идет. Быстро так, поспешает. Он-то меня не видел, потому что он вон там по дороге шел, а я, сам видишь где. Место мое укромное, тихое. Ни от ветру, ни от бури обиды нет. Ни от дурного глазу.

– Так что там про мужика-то? – снова сориентировал Гуров.

– Да, мужик. Здоровенный такой, высокий. Битюг. И волос на нем светлый, белый совсем.

– Седой, что ли?

– Да нет. Говорю же – светлый. Как у девушки крашеной. И чемодан с ним. Я-то сразу тут как-то подумал: и зачем это человек шляется в такую темень? Зимой без шапки. Уже, почитай, ночь на дворе, а он...

– Что за чемодан?

– Чемодан-то? А что – чемодан? Чемодан как чемодан. Длинный такой, смешной. Как от скрипки. Я-то сразу тут как-то подумал – музыкант, что ли? Может, скрипняк или дударь какой. Только у нас тут ансамблиев нету. У нас только коты по ночам воют. Вот ты и думай. А я его сразу приметил. Вычислил. Потому что я наблюдательный. Рыбак. А рыбаки, они знаешь...

Оставив разговорчивого старичка договаривать свой нескончаемый монолог самому себе, Гуров направился к машине, стараясь сложить воедино установленные факты и сделать из них какой-то более-менее внятный вывод.

Первый и главный пункт, определившийся уже совершенно точно, состоял в том, что Сергея Кравцова, рядового полицейского, вершиной карьеры которого был выезд на разгон не в меру разгулявшихся юнцов, кто-то и зачем-то хотел убрать. И это, пожалуй, было самым странным из всего.

Под вторым номером вырисовывалось удивительное несоответствие спланированности и продуманности, какими обычно сопровождается подготовка такой рискованной акции, как убийство человека, и спонтанности самого факта осуществления этого убийства. Кравцова, несомненно, контролировали более или менее плотно, следили за ним, иначе не узнали бы, что он окажется на стадионе. А с другой стороны, о том, что он там окажется, и сам-то он узнал за минуту до выезда.

Неувязочка.

Или, может быть, все дело в том, что заклятый враг – кто-то из ближайших коллег? Мало ли что в жизни бывает. Неосторожное слово, неуместная шутка. Насолил кому-нибудь из товарищей, а тот злопамятным оказался.

Решив при первом удобном случае обязательно пообщаться с ребятами из группы, в которой дежурил Кравцов, Гуров сел за руль и набрал в навигаторе «ресторан «Овидий».

Был еще третий, очень интересный и не менее загадочный, чем два первых, пункт в этом деле. Рассказ наблюдательного рыбака о «здоровенном битюге», поспешавшем куда-то аккуратно после окончания всех трагических событий возле стадиона, вызвал у Гурова неподдельный интерес. Он чувствовал, что появление этого мужчины как-то связано со всеми событиями, но пока не мог определить, как именно.

Размышляя об этом и не очень внимательно следя за дорогой, Гуров повернул туда и сюда, следуя указаниям навигатора, и совершенно неожиданно для себя оказался перед витыми, художественнойковки воротами, преграждающими вход на территорию парка-ресторана «Овидий».

С удивлением отметив, что от стадиона он ехал сюда не больше десяти минут, но не придав этому факту особого значения, Гуров вышел из машины и направился к воротам. Они, как и полагается, были заперты. Но сбоку виднелась гостеприимно распахнутая довольно широкая калитка, в которую мог войти любой желающий недешево и изысканно пообедать.

«Овидий» не был обычным рестораном. На обширной территории располагался большой развлекательный комплекс, где летом среди огромных деревьев роскошного парка устраивались аттракционы для детей, а в холодное время года активно использовали не менее роскошный зимний сад на крытой террасе, где проходили корпоративы для взрослых.

Любуясь мощными кронами, вместо листвы покрытыми сейчас белыми полосками инея, Гуров подходил к большому, несколько претенциозной архитектуры двухэтажному зданию, в котором находился ресторан. Зимний сад и большой зал, где проводились много-

людные праздники, сейчас были закрыты, и через обычную одностворчатую дверь Гуров попал в уютное помещение, где за столиками совершали трапезу постоянные и не очень, но всегда не бедные клиенты. Столики были разделены перегородками, и гости укропно располагались каждый в своем «гнездышке», имея возможность за обедом решить и какие-то насущные вопросы, не мешая другим и не опасаясь, что их тайны кто-то подслушает.

– Добрый день, рады вас видеть, – обратилась к Гурову миловидная улыбчивая девушка в кружевном фартучке и кокетливом подобии чепчика, сделанном из тех же кружев. – Вы можете пройти вон за тот столик. Принести вам меню или желаете...

– Нет, спасибо, – прервал поток этих гостеприимностей Гуров, доставая удостоверение. – Я, собственно, с другой целью. Вчера здесь произошел некий инцидент. Я из полиции.

– А! Вы по жалобе. Одну минуту.

Мельком взглянув в раскрытое удостоверение, девушка, к удивлению Гурова, улыбнулась еще лучезарнее и скрылась где-то во внутренних помещениях.

Ловя на себе любопытные взгляды из-за столиков, Гуров в растерянности стоял посреди зала, не зная, что ему предпринять. Но ожидание было недолгим. Через несколько минут улыбчивая девушка снова появилась в зале, но уже не одна, а в сопровождении весьма подвижного, с выразительной мимикой мужчины. Тех, кто его видел впервые, всегда поражала какая-то бесконечная овальность форм.

Овальная голова венчала по-женски покатые овалы плечи, упитанный овал животик слегка колыхался при каждом движении, и пухлые овалы ручки и ножки гармонично завершали этот образ, придавая своему обладателю сходство с бейсбольным мячом.

Он и перекачивался как мячик, говорливый и беспокойный, фонтанирующий жестикуляцией и не оставляющий собеседнику ни малейшей возможности вставить ни полслова.

– Из полиции? Прелестно! – весенней птичкой щебетал он, направляясь в сторону Гурова. – Признаюсь, мы даже не ожидали. Кто бы мог подумать, что вы отреагируете так оперативно. Обычно ваша контора старается прикрывать своих. Понимаете – рука руку моет, – многозначительно глянув и интимно понизив тон, проговорил овалы господин. – А тут – кто бы мог подумать! Владислав Игоревич только сегодня утром подал жалобу, и вот вы уже здесь, у нас. Ах да! Я не представился. Азимов. Азимов Яков Михайлович. Я здесь старший. Старший по смене, скажем так. Да, детка? Ступай, работай.

Яков Михайлович ласково потрепал по щеке улыбчивую официантку, и та исчезла из поля зрения, догадавшись, что мешает разговору.

Гуров, поначалу несколько удивленный столь радостному гостеприимству в отношении сотрудника полиции, постепенно начинал понимать, в чем дело.

Очевидно, сбылись худшие предположения Орлова, и Полонский действительно подал жалобу по поводу своего испорченного праздника. А его самого, похоже, приняли здесь за человека, уполномоченного провести по этой жалобе проверку.

Что ж, тем лучше. Эта нежданно-негаданно свалившаяся на его голову «легенда» откроет многие двери, которые при других обстоятельствах наверняка остались бы для него закрытыми, и развяжет языки.

– Может быть, пройдем ко мне в кабинет? – между тем говорил Азимов. – Беседовать здесь будет неудобно. Пускай люди спокойно покушают, зачем портить пищеварение разговорами о делах.

Следуя приглашению Якова Михайловича, Гуров прошел в дверь, ведущую из обеденного зала во внутренние помещения. Оказавшись в полумраке коридора, освещенного лишь интимным мерцанием каких-то ночников, Гуров через несколько шагов вошел в еще одну дверь, гостеприимно распахнутую перед ним «старшим по смене». Теперь он находился в просторной комнате, богато и несколько претенциозно отделанной. Из традиционных принадлежностей кабинета здесь имелся только письменный стол с компьютером. Все осталь-

ное – и тяжелые портьеры с кистями, и огромный низкий диван с бесчисленным множеством подушек, и всевозможные зеркала и пуфики – ораздо больше напоминало женский будуар, чем помещение, предназначенное для решения деловых вопросов.

– Я здесь отдыхаю, – как бы оправдываясь, произнес Азимов, по-видимому догадавшись по выражению лица, о чем думал сейчас Гуров. – Вы не представляете, какая это нервная работа. С одной стороны, требовательные хозяева, с другой – капризные клиенты. Ты все время как между двух огней. У каждого свои причуды, каждый хочет личного внимания. И все требуют, требуют. Разрываешься, можно сказать, на части, а что взамен? Никакой благодарности. Впрочем, я отвлекся, простите. Присаживайтесь, пожалуйста, вот сюда, в это кресло. Так, значит, вы по жалобе? Хотите узнать подробности некорректного, скажем так, поведения коллег? Прелестно! Постараюсь помочь всем, чем смогу. Вас, простите, как звать-величать, если не секрет?

– Гуров Лев Иванович, – наконец-то прорвался полковник в этот нескончаемый поток слов.

Он снова хотел показать удостоверение, но Азимов протестующе поднял руку.

– Что вы, что вы! Это совершенно излишне! Доверие – вот главное, на чем должны строиться отношения между людьми, я всегда это говорил.

Вспомнив, что «детка» удостоверение видела и, несомненно, начальству все как следует доложила, Гуров не стал настаивать. Доверие так доверие.

– Так что же произошло здесь вчера? – коротко спросил он и поудобнее устроился в кресле, предвидя, что теперь не скоро у него будет новая возможность сказать что-то.

– О! – оживился Азимов. – Диверсия! Настоящая диверсия, иначе просто не скажешь. Так бесцеремонно, оголтело врываться! Это неслыханно! Солидный, уважаемый человек проводит семейное торжество, отмечает день рождения любимой дочери и вдруг – такое! Неслыханно! Впрочем, я по порядку. Мы праздновали, веселились, все были в совершенно очаровательных, оригинальных костюмах. Знаете, как на венецианском карнавале. Маски, плащи, все такое. Это Владислав Игоревич придумал, чтобы сделать приятное Инге, своей дочери. Она у него большая поклонница Италии и вообще девушка с отменным вкусом. Учится в дизайнерской школе, очень талантливый человек. И вот к таким людям ваши, с позволения сказать, коллеги бесцеремонно врываются в самый разгар праздника под предлогом, что здесь якобы скрывается какой-то уголовный авторитет. Но позвольте! У нас приличное заведение! Это оскорбление, в конце концов! Я уже не говорю про Владислава Игоревича, совершенно справедливо возмущенного этой выходкой, но даже я, я сам и то пришел в негодование. Приличные, культурные люди! С какой стати ваши, с позволения сказать, коллеги явились сюда искать какую-то уголовщину?

– Если я правильно понял, кого-то даже попытались задержать? – поспешил вклиниться Гуров в микроскопическую паузу, возникшую в прочувствованном монологе Азимова.

– О! Это самое невероятное! Не просто «кого-то», а племянника Владислава Игоревича, ни больше ни меньше! – с пафосом воскликнул «старший по смене». – Образованнейший, талантливейший мальчик, завораживающий, волшебный тенор, учится в Гнесинке, и вот – извольте. Оказывается, он-то и есть тот самый уголовный авторитет. Неслыханно!

– Но как так получилось, что пытались задержать именно его? Ведь внешность подозреваемого всегда известна.

– Вот уж не знаю! – возмущенно фыркнул Азимов. – Не знаю, как оно так получилось. Разве что ваши, с позволения сказать, коллеги сами толком не представляли, для чего явились сюда. Хотя постойте. Если мне не изменяет память, Женечка, кажется, был в маске. Ведь вчера все здесь были в масках. Да-да, теперь я вспомнил. Он был в маске, но это совер-

шенно не меняет дела. В маске, без маски – какая разница? Главное – то, что вторжение это было незаконным и, уж простите за выражение, наглым.

– Вы сказали, что этого молодого человека зовут Евгений? А фамилию вы случайно не знаете?

– Как же! Разумеется, знаю. Я ведь говорил вам, это – племянник Владислава Игоревича, а он наш постоянный клиент, один из самых уважаемых. Он на короткой ноге с хозяевами, да и я сам прекрасно знаю эту семью. Приличные, культурные люди. Конечно, такие большие праздники Владислав Игоревич устраивает нечасто, но обедать заходит, да и так иногда, поговорить, обсудить какие-то вопросы с партнерами. Понимаете – бизнес-ланч?

– Да, конечно. Так как же фамилия этого парня?

– А вам зачем?

Быстрые глазки Якова Михайловича на секунду остановились и глянули настолько умно и пронзительно, что в этот момент Гуров готов был поклясться, что этот человек не только во всех мельчайших деталях знает все про семью Полонского, но и самолично выводил за руку Котова через потайной ход вчера вечером.

Несмотря на это неожиданное озарение, он сумел удержать себя в руках и, продолжая сохранять на лице равнодушно-нейтральное выражение, как ни в чем не бывало пустил в дело козырь, который давала ему «легенда».

– Думаю, имеет смысл поговорить с этим молодым человеком, ведь получается так, что он здесь – главный пострадавший. Именно его пытались задержать наши сотрудники, а с какой целью – непонятно. Возможно, он тоже захочет подать заявление или добавить что-то от себя.

– Вот-вот, – снова придав лицу обычное выражение, заговорил Азимов. – Именно! С какой целью? Вот главный вопрос, на который все мы хотели бы получить ответ. Если это интрига, направленная лично против господина Полонского, необходимо выяснить, кто скрывается за всем этим, и привлечь к ответственности. А что до Жени, то, что ж, поговорите с ним. Березин его фамилия. Евгений Березин – красиво звучит, не правда ли? Он вчера пел нам. Ведь когда эти ваши, с позволения сказать, коллеги ушли, мы, разумеется, продолжили праздник. Волшебный, неповторимый голос! И его – записать в уголовники! Неслыханно!

– Он на последнем курсе?

– Нет-нет, что вы! Всего лишь второй. Но – талант. Настоящий талант, это видно уже сейчас.

Пока все шло хорошо, и информацию, полученную от Азимова, Гуров считал настоящей удачей. Он помнил, что в недавней беседе Крячко говорил, что главным ориентиром для оперативников, прибывших сюда, чтобы арестовать Котова, был маскарадный костюм. Очевидно, что для того, чтобы замести следы пребывания на празднике своего друга, Полонский использовал незатейливый трюк с переодеванием и двойником. И теперь, зная, кто именно выступал в роли этого самого двойника, Гуров надеялся раздобыть что-то действительно интересное.

Даже если Полонский и не посчитал нужным открывать своему юному племяннику все главные секреты, все равно тот, несомненно, в курсе маневра с переодеванием, хотя бы уже потому, что сам в нем участвовал. А такая информация даст представление не только о том, как это все было обставлено и организовано технически, но, возможно, даже позволит сформулировать предположения о том, в каком направлении на сей раз исчез неуловимый Кот.

Гнесинка, вокал, второй курс – этих исходных в сочетании с известными именем и фамилией вполне хватало, чтобы выйти на следующее звено в этой цепочке. Конечно, гораздо проще было отыскать племянника, прибегнув к помощи самого Полонского, но такой вариант Гуров не рассматривал. Что-то подсказывало ему, что, в отличие от не в меру

догадливой официантки, опытный Полонский сразу поймет, что проверка эта – совсем не по его жалобе.

– Я могу поговорить с персоналом? – спросил Гуров.

– Зачем?

Яков Михайлович, до этого расслабленно и пространно в своей обычной манере о чем-то говоривший, снова настороженно замер, метнув на Гурова пронзительный взгляд.

– Просто формальность, – поспешил успокоить тот. – Чисто технические вопросы. Кто приходил, кто уходил, сколько было времени – разные незначительные подробности такого рода. Необходимо, чтобы их подтвердили несколько человек. Такие правила.

– Ах, вот оно что, – непривычно медленно проговорил Азимов, явно колеблясь с принятием решения.

С одной стороны, неудобно, а возможно, и чревато было отказывать представителю официальных органов, а с другой – Яков Михайлович, конечно, ни на секунду не допускал мысли, что ситуация может выйти из-под контроля и что-то здесь может произойти без его ведома.

– Дайте мне кого-нибудь из охраны и из технического персонала. Пару человек, не больше, – старался помочь Гуров. – Тех, кто вчера находился здесь и видел, как приходили полицейские. Я задам им пару вопросов, вкратце зафиксирую ответы, и на этом все формальности будут улажены. Сегодня работает кто-то из тех, кто дежурил вчера вечером?

– Одну минуту, дайте подумать, – снова тянул время Яков Михайлович, в разных других случаях гораздо более быстрый и говорливый, думая явно не о том, имеются ли в наличии нужные Гурову люди. – Хорошо, пойдёмте, – наконец произнес он, решившись на что-то. – Охрана у нас сменяется в четыре часа, так что вчерашняя смена еще на месте. Поговорите с Николаем, он у них старший и вчера, по случаю важных гостей, весь день дежурил на входе. Это такой среднего роста, плотный мужчина. Да, впрочем, я сам вас сейчас познакомлю.

Заперев кабинет, Азимов повел Гурова какими-то потайными ходами, явно не собираясь пускать на самотек беседу с Николаем. Через несколько минут они оказались в небольшом помещении, представлявшем собой пристройку к зимнему саду, из которого отлично просматривались оба входа – и главный, ведущий через оранжерею с тропическими растениями в банкетный зал, и боковой, через который попадали в ресторан желающие пообедать.

– Николай, – обратился Азимов к мускулистому здоровяку, сидевшему в кресле и смотревшему в компьютер. – Вот тут с тобой хотят поговорить по поводу вчерашнего инцидента. Владислав Игоревич подал жалобу, и вот, видишь, органы очень оперативно отреагировали.

Подкачанный Николай обратил на Гурова вопрошающий взор, но со своей стороны не счел нужным произнести ни слова.

– Добрый день, – вежливо произнес полковник. – Вчера, когда сюда прибывали гости, вы дежурили у входа в оранжерею?

– Я, – лаконично ответил Николай.

– Не припомните время, во сколько они начали собираться?

– Первые пришли десять минут девятого, – без запинки ответил Николай.

– В зимнем саду у нас стоят часы, – поспешил вставить Азимов, заметив удивленно поднятые брови Гурова. – Знаете, этакий стильный аксессуар. Хозяева привезли откуда-то из Африки. Черное дерево, бамбук. Очень гармонично смотрится в сочетании со всеми этими пальмами.

– Да и пользу приносит, похоже, немалую, – как бы про себя вполголоса проговорил Гуров. – Раз уж вы такой наблюдательный, Николай, может быть, вы запомнили и время, в которое прибыл сюда человек в костюме Арлекина? Синий с красным, ромбы.

– Он пришел без пяти девять, – все так же лаконично и спокойно, не проявляя ни малейших эмоций, проговорил охранник.

Тут уже не только Гуров, но и сам Азимов удивленно открыл рот.

– Ты что, их записывал, что ли? – ошарашенно произнес он.

– Нет, просто их вышел встречать лично господин Полонский, поэтому я запомнил.

– Кого «их»? – быстро спросил Гуров.

– Он был с какой-то женщиной.

– Тоже в костюме?

– Да. Коломбина.

– Вы смогли бы их узнать, если бы увидели снова? – без особой надежды на успех поинтересовался Гуров.

Шансов, что Кот явился на этот праздник с открытым лицом, практически не было, и очередной лаконичный ответ Николая неопровержимо подтвердил эту догадку.

– Они были в масках, – с готовностью доложил бдительный страж.

– Постойте, а, собственно, зачем вам все это? – снова приходя в волнение, вмешался в разговор Яков Михайлович. – Вам же нужна информация о полицейских. При чем здесь какая-то Коломбина?

– Да, я как раз о полицейских и хотел сейчас спросить, – поспешил ответить Гуров, стараясь не заострять внимание на главной теме, которая его интересовала. – Во сколько сюда прибыла полиция, Николай? Надеюсь, это время вы тоже запомнили точно?

– Они пришли без четверти десять.

– А ушли?

– В половине одиннадцатого.

– Благодарю вас, Николай, вы мне очень помогли, – совершенно искренне ответил Гуров. – Что ж, Яков Михайлович, – продолжил он, обращаясь к «старшему по смене», – еще пара слов с кем-нибудь из obsługi, и я больше не буду отнимать ваше драгоценное время.

– Ну что вы! – расплылся в слащавой улыбке Азимов. – Родной полиции мы всегда рады помочь. Тем более по такому вопросу. Как говорится, к нам хорошо, и мы хорошо.

Они вернулись в обеденный зал, и Азимов снова обратился к улыбчивой девушке, которая недавно так гостеприимно приветствовала Гурова:

– Детка, позови-ка мне Зину. А впрочем, может быть, мы лучше сами пройдем? Туда, на кухню? – вопросительно взглянул он на Гурова.

– Да, наверное, так будет лучше, – ответил тот. – Действительно, зачем портить людям аппетит посторонними разговорами?

Следуя за Азимовым, он снова вышел в какую-то дверь, но уже не в ту, которая вела в коридор с кабинетами, и вскоре Гуров ощутил разнообразные запахи готовящейся пищи и почувствовал жар, который, как и полагалось, исходил от множества раскаленных варочных поверхностей.

– Так, значит, племянник Владислава Игоревича прибыл сюда со спутницей? – как бы невзначай поинтересовался полковник.

– Что? – рассеянно переспросил Азимов, не слишком достоверно изображая тугоухость и спешно обдумывая ответ. – Ах, вы об этом! Да, наверное. А почему нет? Молодой парень, почему бы ему не прийти сюда со своей девушкой? Вполне возможно. Сам я, признаюсь, не следил за этим. Большой праздник, много хлопот. Сами понимаете.

– А вот вы говорили, что он выступал перед гостями, пел что-то. Это было уже после того, как ушли полицейские?

– Да, конечно. Разумеется, никто не позволил бы, чтобы из-за этого случая, пускай и досадного, и неприятного, сорвался праздник. Все немного поволновались, поговорили. Но

потом эмоции утихли, и все пошло своим чередом. Маски показали нам свое шоу, Женечка выступил, и все прошло отлично, именно так, как и задумывали.

– Да, так вот я как раз хотел спросить: когда Евгений выступал, он так и оставался в костюме Арлекина?

– Разумеется. Тем более что он исполнял эту великолепную арию, знаете – из «Принцессы цирка»? «Цветы роняют лепестки на песок...» Прелестно! Так что все было в стиле. Цирк, клоуны.

– Арлекины.

– Именно. Зина! – неожиданно громко выкрикнул Азимов куда-то в толпу суетящихся поваров. – Зинуша, подойди, пожалуйста, к нам. У нас тут к тебе несколько вопросов.

– Яков Михайлович, мне нужно клиентов обслужить, – откликнулась на этот зов средних лет миловидная женщина, приближаясь к ним с полным подносом всякой всячины.

– Хорошо, беги, – говорил Азимов, любуясь бесчисленными мелкими кудряшками Зины, делавшими ее похожей на молодого барашка. – Но как освободишься – сразу к нам.

– А что случилось? – беспокойно взглянув на Гурова, спросила Зина.

– Ничего страшного. Просто хотим тебя кое о чем спросить. Беги, не задерживай наших гостей.

– Яков Михайлович! – донеслось откуда-то со стороны обеденного зала почти сразу же, как только исчезла Зина. – Можно вас на минутку?

– Простите великодушно, – обратился Азимов к Гурову. – Вынужден ненадолго оставить вас. Я, к сожалению, на работе.

– Да, конечно. Никаких проблем, – произнес Гуров, стараясь не выдать радостного облегчения, с которым освобождался из-под этой дружеской опеки.

Азимов удалился в направлении обеденного зала следом за Зиной, а Гуров, терпеливо поджидая их, с интересом наблюдал обратную сторону жизни большого высококлассного ресторана.

В кухню входили и выходили официантки, забирая красиво оформленные тарелки со свежеприготовленными фирменными блюдами и возвращая их уже совершенно неэстетичными, с разбросанными в беспорядке объедками.

Подносы с отходами относили в отдельную комнату, откуда слышался звон посуды и старческий недовольный голос.

Подойдя поближе, Гуров заглянул в дверной проем.

Пожилая посудомойка, нервно ополаскивая под струей воды вымытые тарелки, сердито разговаривала то ли сама с собой, то ли с молоденькой девушкой, трудившейся рядом.

– Трудно им дрянь эту в бак скинуть, – ворчала она. – Тоже мне! Великие труды. Тарелку перевернуть. Две секунды. А я тут убирай за них. Что я им тут, уборщица, что ли? Мое дело – посуду мыть.

– Так и мой уже, тетя Клава, чего разворчалась? – откликнулась девушка.

– Ага! Мой. Вот и мой тут. Не знаешь, то ли своей работой заниматься, то ли мусор убирать тут за всеми. Как будто здесь им мусорная свалка. Пищевые отходы, они есть пищевые отходы, – назидательно говорила тетя Клава. – Они специально выбрасываются в бак. А тряпки свои пускай дома у себя выбрасывают. И не валят мне здесь под руки все что попало.

– Какие тряпки? – удивленно взглянула девушка.

– А я почему знаю какие! Мне и дела нет. Я их туда не бросала. А вышло, что я же и виновата. И что мне теперь – за всеми следить, что ли? Смотреть, кто куда мусор бросает? Я тут, между прочим, не уборщица, мне за это зарплату не платят.

– Да о чем это ты, тетя Клава? – недоумевала девушка. – Какой мусор? В чем ты виновата?

– А я почему знаю в чем! Утром они приехали отходы-то забирать, знаешь, эти, которые все время у нас берут. Фермеры, что ли. Скармливают их там кому-то. Не знаю.

– Приехали, и что? Отходов, что ли, им не хватило?

– Какое там не хватило! Еще лишка оказалась. Стали бак-то сливать, глядь – а там тряпки какие-то. Как понес он на меня, как начал кричать! Мы, говорит, животных кормим, а ты нам здесь чего подсовываешь?! Вот сдохнет, говорит, у меня кабан, приеду, говорит, с тебя вычту. А я здесь при чем? Я их туда не бросала.

– А как там тряпки-то оказались? – гремя посудой, спрашивала девушка.

– А я почему знаю как? Может, пошутит кто или специально напакостил. А мне – отвечай.

– А может, это как раз уборщица старые тряпки и выкинула? Скажет – в дело они уже не годятся, так пускай в баке с отходами поквасятся. Вкуснее будет, – хохотнула девушка.

– Да нет, это не уборщицы, – глубокомысленно произнесла тетя Клава. – Это хорошие были, узорчатые. Яркие, красивые такие. И сшито так аккуратно. Ромбиками. Синие и красные. Красиво. Именно вещь это кто-то выбросил, и вещь хорошую. А зачем, непонятно.

– А вот и мы! – неожиданно услышал Гуров прямо у себя под ухом. – Надеюсь, не заставили долго ждать?

Азимов в сопровождении кудрявой Зины вновь стоял перед ним в полной боевой готовности.

Приближения их Гуров не услышал среди кухонного шума и несколько секунд молчал, переключаясь с новой весьма интересной информации, которую узнал только что, на те насущные вопросы, которые он в соответствии со своей «легендой» должен был задать сейчас Зине.

– Какие-то проблемы? – снова забеспокоился чуткий Яков Михайлович, заметив отсутствующее выражение на лице Гурова.

– Нет-нет, – уже сориентировавшись, поспешил ответить тот. – Ничего особенного. Просто хожу здесь, размышляю. Итак, Зинаида, что вы можете сказать о вчерашнем вечере?

Задав несколько вопросов о том, как проходил праздник и когда приехала полиция, Гуров терпеливо прослушал несколько модернизированную и сокращенную версию того, что рассказывал ему Азимов, и, поблагодарив за содействие, стал прощаться.

– А с Владиславом Игоревичем вы планируете встречаться? – пылливо спрашивал «старший по смене», провожая его к выходу.

– Да, разумеется, – без запинки врал Гуров. – Поговорим обязательно. Но он человек занятой, с ним назначить встречу не так-то просто.

– О да! Солидный, уважаемый человек, – с готовностью поддержал Азимов. – И к таким людям бесцеремонно врываться, предъявлять какие-то странные обвинения. Неслыханно!

– Разберемся, – на прощание пообещал Гуров и вышел на улицу.

Он понимал, что в свете новой информации, так нечаянно удачно полученной им от тети Клавы, он не может уйти, не задав еще один важный вопрос бдительному Николаю. Но Азимов так и стоял у двери, не отрывая от него напутствующе-доброжелательного взгляда, и Гуров понял, что «старший по смене» так и будет стоять здесь, пока не убедится, что он действительно ушел.

Поэтому, прибавив шагу, он решительно направился в сторону резных ворот, всем видом показывая, что дело свое сделал и не собирается задерживаться здесь ни одной лишней минуты.

Дойдя до ворот, Гуров оглянулся и с удовлетворением отметил, что пространство у входной двери пусто. Он развернулся и шагом столь же решительным, но гораздо более быстрым, пошел обратно. Целью его была небольшая пристройка к оранжерее. На ходу при-

думывая, зачем он вернулся – за телефоном или за зажигалкой, чтобы было что сказать, если в поле зрения снова возникнет вездесущий Азимов, он скоро входил в маленькую комнатку, где невозмутимый Николай все так же смотрел в компьютер.

– Здравствуйте еще раз, – улыбаясь, произнес Гуров в ответ на вопросительный взор. – Мы с Яковом Михайловичем заходили сюда недавно, вы, наверное, помните.

– Да, я помню. Вы из полиции, – в своей лаконичной манере ответил Николай.

– Совершенно верно. Я провожу проверку по вчерашнему происшествию здесь и совсем забыл, что должен задать вам еще один маленький вопрос. Вы очень помогли мне своей информацией о том, во сколько прибыл сюда человек в костюме Арлекина, но скажите, на празднике был кто-то еще в таком костюме? Сине-красные ромбы?

– Нет, Арлекином был одет только один гость.

– Вы точно помните? Подумайте хорошенько. Это очень важно.

– Нет, он был один. Я помню точно.

Гуров поблагодарил и, выйдя из пристройки, снова направился к воротам, на сей раз уже не имея намерения возвращаться обратно.

Когда он сел в машину, картина вчерашнего вечера уже достаточно ясно выстроилась в голове.

Итак, Котов пришел сюда около девяти вечера, по-видимому уже зная, что на него готовится очередная облава. Полонский, несомненно предупрежденный им, заранее подготовил отходные пути, попросив своего племянника одеться в точно такой же костюм, в котором прибудет авторитет.

Котов вошел через главный вход, а племянник, изначально, скорее всего, прибывший сюда вообще в штатском, вполне возможно, в качестве родственника находился в ресторане задолго до начала основного действия.

Неизвестно, объяснял ли ему любимый дядя истинный смысл всех этих переодеваний, но известно, что, когда появилась полиция и «запахло жареным», Котов быстренько скинул ненужную уже «лягушачью кожу» и через технический ход в кухне, откуда забирали пищевые отходы предприимчивые фермеры, оперативно и незаметно убрался восвояси.

А ни в чем не повинная тетя Клава на следующее утро должна была выслушивать претензии за не по месту выброшенную кем-то «хорошую вещь».

Заводя двигатель, Гуров думал о том, что, наверное, очень важные вопросы хотел обсудить Кот со старым другом, если шел на такой риск. Зная, что готовят на него облаву, не отменил встречу. Мало того, обставил все так, что сама полиция осталась с носом, и только слепой не заметил бы здесь явной и неприкрытой издевки.

«А карнавал-то, похоже, удался, откуда ни посмотри, – думал Гуров, медленно продвигаясь по переполненным столичным магистралям. – Встретились приятели, насущные проблемы обсудили да и разошлись себе преспокойненько в разные стороны. Один – именины праздновать, другой – просто отдыхать. А полиция вместо бандита Котова кота в мешке получила. Ловко».

Однако впадать в отчаяние Гуров не спешил. Расследование только начато, и, в сущности, сегодня он узнал в подробностях лишь мелкий эпизод, наглядно изучил один из приемов, которые использует Котов. Нужно взять это на заметку как деталь, характеризующую стиль и манеру поведения этого человека, но делать сейчас какие-то глобальные и далеко идущие выводы, пожалуй, не стоит. Он лишь на начальном этапе сбора информации, и главная задача – накопить как можно больше фактов. Выводы будут потом.

Он еще не говорил ни с кем из своих, не общался даже со Степановым, с самого начала ведущим это дело и наверняка лучше всех представлявшим себе, что такое этот Котов и на что нужно обращать внимание, чтобы просчитать его шаги.

К тому же не следует забывать, что Котов, а точнее, его тайный информатор – поручение негласное. А у него, между прочим, в работе еще и вполне официально дело об убийстве, где тоже загадок хватает, а полезной информации – жалкие крохи. Нужно осмотреть тело, уточнить, отправлена ли на экспертизу пуля. Иногда вид оружия о многом может сказать.

Нужно поговорить с ребятами, с которыми работал этот Кравцов. Может, кто-то из них подскажет, кому он до такой степени «насолил».

Да, нужно сделать еще много всего. Оба расследования в самом начале, и пока рано делать выводы.

Глава 3

Припарковавшись возле морга, Гуров вошел в здание и, предъявив удостоверение, сказал, что ему нужно осмотреть труп Сергея Кравцова – полицейского, которого привезли вчера вечером с операции на стадионе.

Солидная корочка произвела нужное действие, и вскоре на железном столе перед ним лежало окоченевшее тело молодого мужчины с правильными и даже сейчас еще довольно приятными чертами лица. Портило его и вносило досадный диссонанс только небольшое круглое отверстие, расположенное настолько точно посередине лба, что казалось, как будто кто-то специально отмерял.

Кроме раны от пули, больше никаких изъянов на теле Кравцова не было. Осматривая труп, Гуров не обнаружил не только выраженных следов от побоев, но даже малейшего синяка или незначительной царапины. С учетом того, что стычка между полицейскими и болельщиками все-таки имела место, такая завидная целостность покровов казалась даже немного странной.

«Может быть, его уложили сразу, как только приехал, – размышлял Гуров, снова внимательно глядя на входное отверстие от пули. – Не дали поработать кулаками и нахватать напоследок синяков?»

Вокруг отверстия не наблюдалось следов ожога, как бывает, когда стреляют с близкого расстояния, и это только лишний раз подтверждало догадки Гурова о том, что убийцу не стоит искать среди группы, с которой дежурил Кравцов. Теперь полковник был почти уверен в том, что стрелок прятался за одним из домиков в парке и роковая пуля прилетела именно оттуда.

«Но мотив. Мотив! – снова и снова возвращалась мысль к самому загадочному пункту этого дела. – Кому и для чего могла понадобиться жизнь этого юного мальчика?»

Осмотрев труп, Гуров позвонил в лабораторию, чтобы узнать, есть ли результаты экспертизы. Парень, достававший для него труп из холодильника, рассказал, что пулю, которую он «самолично выковырял», еще утром отправили на исследование, и, не особенно надеясь на столь неслыханную оперативность экспертов, Гуров все-таки решил попытать счастья.

В лаборатории его многие знали и ответ на такой простой вопрос, как принадлежность пули, он всегда мог получить просто по телефону.

Но на сей раз все оказалось гораздо сложнее.

Набрав нужный номер, он услышал девичий, почти детский, голос, совершенно незнакомый. Поняв, что на телефон посадили новенькую, Гуров стал подробно объяснять, кто он и что ему нужно. Однако уже через десять минут бессмысленного и безрезультатного разговора он понял, что в деле ведения допросов какие-нибудь спецы из гестапо просто жалкие котятка по сравнению с юной особой, которая сейчас беседовала с ним.

Подробнейшим образом расспросив о паспортных и некоторых личных данных, заставив продиктовать номер удостоверения, милая девушка закончила тем, что выразила сожаление по поводу того, что о пуле ничего сообщить не может, потому что это – закрытая информация.

– Хорошо, – теряя терпение, говорил Гуров. – Тогда позовите мне Мишу. Михаил Федоров, судмедэксперт. Он должен там где-нибудь находиться, поблизости.

– Я сейчас узнаю, – отчеканила трубка.

После этого в телефоне повисла пауза и висела так долго, что полковнику уже стало казаться, что это навсегда.

– К сожалению, Федорова сейчас нет, – минут через десять, уже почти потеряв надежду, вновь услышал он звонкий голосок.

– А где он? – удивленно спросил Гуров, зная дисциплинированность своего хорошего знакомого.

– К сожалению, не могу вам сказать. Это закрытая информация.

– Тьфу ты, черт! – с досадой сказал Гуров, нажимая на сброс. – Что это за автоответчик там у них такой появился? Нужно было самому ехать.

Но, взглянув на часы, он увидел, что рабочий день уже приближается к концу и по обычным дорожным пробкам он сейчас успеет доехать только в управление.

Сев за руль, Гуров завел двигатель и стартовал в направлении родной конторы, перебирая в уме и стараясь разложить по полочкам факты, которые удалось сегодня добыть.

Теперь он имел более-менее ясное представление о том, как развивались события на вчерашнем празднике бизнесмена, как пришел и ушел Котов и почему полиции снова не удалось его поймать. Хотя все это никак не выводило на тайного информатора, но смелость, с которой действовал бандит, со всей очевидностью показывала, что он чувствует за собой надежные тылы и уверен, что со всей возможной оперативностью всегда получит самые последние новости. А значит, его источник находится в самой непосредственной близости к расследованию и имеет свободный доступ к последним, самым свежим данным.

Разговор со Степановым просто необходим. В голове не укладывается, что «крысой» может оказаться именно он, но в таком деле ничего нельзя исключать. Кроме того, такой разговор может дать много дополнительной информации для размышления. Ведь в деле Котова и впрямь «засветилось» чуть ли не все управление. Мало ли кто мог оказаться стукачом.

Послушать, что скажет Леонид, задать некоторые наводящие вопросы, посмотреть, какотреагирует. Потом уже думать.

Только под каким соусом преподнести все это? Нельзя же просто так подойти и сказать: «А ну-ка, расскажи-ка мне, какие там у тебя последние новости по делу Котова?» С какой стати он, ни дня не участвовавший в этом деле, стал бы задавать подобный вопрос?

Но тут Гурову подумалось, что мысль о последних новостях, в общем-то, весьма недурна. О неудачной облаве наверняка уже известно всем, особенно если Полонский действительно подал жалобу. Под этим соусом обратиться к Степанову, начать разговор, выразить сочувствие. А там уж, слово за слово, дело пойдет само собой.

Довольный, что придумал подходящий предлог, Гуров затормозил возле управления и уже через несколько минут понял, что догадки о том, что неудача с Котовым сделалась притчей во языцех, как нельзя более справедливы.

Орлов рвал и метал, и уже в коридоре, несмотря на плотно прикрытую дверь «предбанника», можно было расслышать отдельные гневные выкрики.

Слушая истеричные вопли, доносившиеся из глубин кабинета, Гуров замешкался перед дверью, очень сомневаясь, стоит ли сейчас в нее заходить. Он хотел предупредить генерала, что его не будет на утренней планерке, но сейчас готов был изменить планы.

Неудачный звонок в лабораторию раздосадовал его, он надеялся уже сегодня узнать, из какого оружия стреляли в полицейского. Но поскольку это не удалось, Гуров хотел утром из дома ехать прямо в лабораторию, а уже оттуда – по всем остальным делам.

Но теперь, когда он стоял перед заветной дверью, внимая отзвукам начальственных эмоций, ему казалось, что не так уж много времени отнимет она, эта планерка.

– Проблемы? – послышалось за спиной.

Обернувшись, он увидел в нескольких шагах от себя следователя Степанова, направлявшегося, по-видимому, к той же двери в генеральский «предбанник».

– Похоже на то, – чуть усмехнувшись, ответил Гуров, подумав про себя, что на ловца и зверь. – А тебе, я смотрю, тоже не терпится попасть под горячую руку?

– А куда деваться – сам вызывал.

– Вызывал-то он, может быть, и вызывал, но торопиться-то зачем? – отговаривал от рокового шага Гуров. – Ты видишь – человек в расстройстве. Дай остыть.

– Какой толк? Он меня как раз по этому делу и вызывал, из-за которого он в расстройстве. Не сегодня, так завтра, а на орехи получить все равно придется.

– Надо же, как фатально! И что же это за дело такое роковое?

– Да все с Котовым с этим мучаюсь. Все никак словить его не удастся. Да ты слышал, наверно.

– Неудачные облавы? Да, припоминаю, что-то говорили.

– Просто волшебство какое-то. Из рук уходит.

– Так он из-за этого так переживает? – кивнул Гуров на дверь.

– А из-за чего же еще? Котов вчера вечером должен был в гостях находиться у друга своего. Праздник у них там какой-то. Выехала группа брать его, а его уж и след простыл. Зато уж друг этот свои претензии по полной высказал. Похоже, даже прессу привлек.

– Тогда понятно, почему он так злится. Слушай, Леонид, а пойдем-ка мы отсюда за добра ума. Для чего нам эти стрессы? Рабочий день уже закончился, имеем полное право отдыхать.

– Но вызывал же, – неуверенно произнес Степанов, явно тоже не горевший желанием именно сейчас докладывать о текущем состоянии дел начальству.

– Так и придешь, если вызывал. Завтра. Утречком, с новыми силами, со свежей головой. Явишься, все как следует доложишь, объяснишь. И начальство поспокойнее будет. Внимательно тебя выслушает, на недостатки, если есть, укажет, достоинства, если имеются, оценит.

– Думаешь?

– Уверен.

Гуров сделал несколько шагов, отходя от роковой двери и как бы приглашая Степанова следовать за собой. Тот немного колебался, но в итоге последовал благому примеру. Попадать под горячую руку начальству не хочется никому.

– Что, не ладится у тебя с этим Котовым? – исподволь начал Гуров.

– Еще как не ладится, – с сердцем ответил Степанов. – Просто тупик. А поначалу так хорошо пошло оно, это дело! Я даже удивлялся. То есть не то чтобы совсем проблем не было, но как-то так получалось, что каждая закавыка нас на новую ниточку выводила. Так что я теперь, считай, всю его подноготную знаю, все эти грязные делишки. И практически по каждому доказательная база имеется. Остался, можно сказать, пустяк – самого фигуранта перед судьями поставить. И вот поди ж ты! Как заговоренный – не дается в руки и все.

– А ты один, что ли, всем этим занимаешься?

– Нет, почему. Дают и помощь. Дело это когда начинали, так тут вообще пол-управления отметилось. Казалось, вот-вот, не сегодня завтра возьмем негодя. А потом как-то на нет сошло. Улики все собрали, доказательства приобщили. Все, что могли, сделали. Незачем стало людей от других дел отвлекать. Только Ивлев со мной остался да Гриневич Николай. Если помощь требуется, они подключаются. Вот и эту операцию, у друга-то, втроем мы готовили. Больше и не знал никто. Кроме Орлова, разумеется. Даже оперативники. В последний момент задание им объяснили, перед выездом уже. И снова неудача. Просто волшебство какое-то!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.